

«SLAVIA ORTHODOXA» И «SLAVIA ROMANA»: В.В. РОЗАНОВ О СБЛИЖЕНИЯХ И РАСХОЖДЕНИЯХ МЕЖДУ ДВУМЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМИ МИРАМИ

Лазарь Милентиевич — PhD по литературе, доцент. Кафедра славистики философского факультета Университета в Нови-Саде. Сербия, 21000, г. Нови-Сад, ул. Зорана Джинджича, д. 1.

E-mail: milentijeviclazar@mail.ru

 Аннотация. В обширном корпусе В.В. Розанова выделяется проблематика славянского мира, которая им воспринималась сквозь призму соотношения двух медиалокальных этнических общин в историко-культурном и конфессиональном контекстах. С темой славянства мыслитель связывал последствия более широкого явления — встречи западного и восточного миров. Славянский мир в представлении Розанова находится на пересечении романо-германского и греко-славянского мировосприятий. У Розанова выделяются три самые важные темы: значение предания, папство на западе и востоке, вечная борьба и возможное соединения Запада и Востока. В статье показано, что Розанов в славянстве видел молодое течение, постепенно развивающееся и становящееся значимым на мировой сцене, однако он осознавал, что славянское единство, помимо культурного, литературного и идейного сближений нуждается в более сильных духовных и экономических скрепах. В размышлениях Розанова можно найти отголосок взглядов Н.Я. Данилевского на тему объединения славян, консервативных мыслей К.Н. Леонтьева, а также идей В.С. Соловьева о единении Восточной и Западной церквей.

Ключевые слова: В.В. Розанов, славянство, предание, папство, Запад, Восток

Ссылка для цитирования: Милентиевич Л. «Slavia Orthodoxa» и «Slavia Romana»: В.В. Розанов о сближениях и расхождениях между двумя историко-культурными мирами // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4, № 1. С. 80–100.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-80-100

Определения «Slavia Orthodoxa»¹ и «Slavia Romana»², которые вводит знаменитый исследователь древнерусской литературы Рикардо Пиккио, преодолевают «внешнюю» сторону понятия «славянство», не свободное от этнических предвзятостей. Это позволяет рассматривать феномен «славянства» в историческом, культурологическом и религиозном аспектах. Применяя эти термины к размышлениям В.В. Розанова, мы подразумеваем под ними не столько локальные этнические общности, единство которых, мягко говоря, вызывает сомнение, но прежде всего две сферы внутри славянства, которые свидетельствуют о более широком делении на западнохристианский и восточнохристианский миры, германо-романское и греко-славянское мировосприятия.

Розанов открыто писал о «потугах» молодого славянского мира, выраженных в стремлении сократить отставание от западной цивилизации, которая, в его понимании, отличается не только внешним, но и субстанциональным единством. Светлые надежды касательно славянского объединения время от

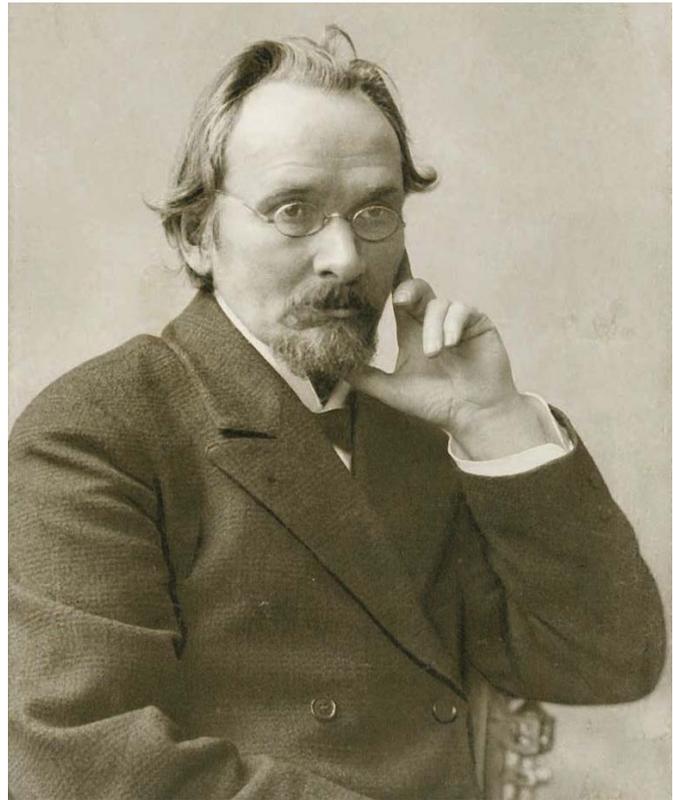
---

¹ У Р. Пиккио — это термин, служащий для обозначения культурно-конфессиональной и литературно-языковой общности славянского мира (Станчев, 2002: 6). Таким образом, речь идет не об этническом и географическом единствах, а о едином духовном пространстве, объединяющем разные народы, которые изначально находились под влиянием константинопольской церкви. Пиккио пишет: «Если христианизация Киева как факт религиозный и политический была греческим и византийским завоеванием, то как культурно-языковое событие она представляла собой расширение границ Slavia Orthodoxa (православного славянского мира), то есть духовной родины, созданной деятельностью Константина-Кирилла и Мефодия» (Пиккио, 2002: 22).

² Существует и первичный термин «Slavia Latina», принадлежащий тому же Р. Пиккио, который, как отмечает В.В. Калугин в предисловии к его книге, в исследованиях последних десятилетий был заменен на «Slavia Romana» (Калугин, 2003: IX). Пиккио использовал оба термина, однако второй был взят как окончательный: «В данном случае, как мне кажется, определение “римское” было бы предпочтительнее, чем “латинское”. Оно не только лучше передает идею смешанной латино-германо-славянской культуры, находившейся под властью римской церкви и Римской империи, но и помогает избежать смешения с “неолатинскими” текстами, т.е. текстами, написанными либо на “обновленной” латыни гуманистов, либо на одном из романских языков» (Пиккио, 2003: 114).

времени мелькали в публицистике русского философа, когда он указывал на потребность сглаживания «болей и оскорблений». Для этого организовывались общеславянские съезды:

Пока наша чаша высоко поднята вверх, мы слабы, страшно слабы в сравнении с огромною нас перевесившею чашею соединенного европейского мира. Но в то же время как он не растет более, пережив пору молодости и возмужалости, — славянский мир, последний и самый молодой на Восточном континенте, в каждом новом дне получает новую прибавку к своему весу. А в силу молодости, недоделанности, незрелости его, — здесь всякое дело, всякое усилие и начинание приносят явный, ощутимый плод.

Василий Васильевич Розанов

(Розанов, 2004а: 178)³

Розанова, размышлявшего о потребности единения славянской общности, в то же время не покидала мысль о маловероятности и даже о фиктивности ее осуществления. Он полагал, что главной проблемой и причиной, тормозивший этот процесс, была «вечная, исполненная недоумений рознь» (Розанов, 2008с: 246)⁴, к которой постоянно примешивались далекие от разрешенности «раны и раздражения прошлого» (Там же).

Розанов полагает, что славянское единство не может осуществиться через взаимное воздействие словесных конструкций, исходящих из уст представителей образованных классов: «Слабостью славянского сближения было всегда то, что это было исключительно идейное сближение, литературное, книжное, словесное. Оно могло обнять только образованные классы, но не могло задеть народа. Между тем, очевидно, что только то одно, что охватывает собою и на-

³ Статья Розанова «Рост славянского единства» опубликована в 1908 году.

⁴ Речь идет о статье «Болезни и чаяния славянского мира», написанной в 1902 году.

родную массу, может получиться настоящую историческую значительность» (Розанов, 2004а: 180)⁵. Иными словами, можно говорить о весьма «узком» воздействии славянской идеи, которая обитала в России книг, газет и частных сборищ.

Созвучье своим мыслям Розанов находил у К.Н. Леонтьева, который с большой долей сомнений отнесся к возможности единения, введя различие между понятиями «славянство» и «славизм»: «Славянство есть, и оно численностью очень сильно; славизма нет, или он еще очень слаб и неясен» (Леонтьев, 1885а: 122). Розанов не разделял его опасений касательно разрушительных последствий объединения славян для Русского государства и скорее склонялся к мыслям Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского об исторической миссии России в создании всеславянского союза. Однако он не мог не отметить правоту Леонтьева в том, что письменное, политическое и этническое единства отнюдь не являются гарантом преодоления религиозной, бытовой и художественной разрозненности⁶.

Одним из ярчайших примеров отсутствия скреп в славянстве⁷ являлась для Розанова Польша. В.С. Соловьев, развивая данную тему в работе «Восточный спор и христианская политика», которую Розанов охарактеризовал как «одно из лучших сочинений Вл.С. Соловьева» (Розанов, 1995а: 381), полагал, что исторические

⁵ Из статьи «Практические перспективы славянского сближения», вышедшей в 1908 году.

⁶ Конечно, были люди, которые думали совсем наоборот. Например, Хомяков, который боролся за славянскую идею и отмечал отдельное место славян в историческом бытии, нередко прибегая к ироническому тону: «Не было-де в старину славян нигде, а как они появились и размножились — это великое таинство историческое, — впрочем, может быть, их и теперь нет на свете» (Хомяков, 1994: I, 59). Эти нападки заходят так далеко, что порой оспаривается существование земли, на которой жили славяне: «Критики более милостливые оставляют славянам каких-то предков, но эти предки должны быть бездомники и безземельники; ни одно имя в местностях, населенных теперешними славянами, не должно иметь славянского значения; все лексиконы Европы и Азии должны представить налицо корни самые невероятные, чтобы ими затемнить простой смысл простого слова. Не удалось уничтожить народы: стараются землю вынуть у них из-под ног» (Там же).

⁷ А.И. Филюшкин отмечает: «Попытки объединить славян в более-менее крупные державы в Средневековье имели место, но все подобные образования оказались краткосрочными и непрочными, жили от нескольких десятков до полутора сотен лет (Первое Болгарское царство 882–1018 гг., интегрировавшее значительную часть Балкан; Чешское королевство при Пржемысле Отокаре II (1233–1278), раскинувшееся от Судетских гор до Адриатического моря; Сербское царство при Стефане Душане (1331–1355)). Отдельно стоит вопрос, можно ли считать единым государством Киевскую Русь (условные даты 882–1132), но для потомков образ Древнерусской державы (историографически подкрепленный в XX в. концепцией древнерусской народности) стал символом единения восточных славян» (Филюшкин, 2007: 27).

формы «великого спора между Востоком и Западом» находят свое воплощение в трех вопросах. «Эти вопросы суть: польский (или католический), восточный вопрос и еврейский» (Соловьев, 1914: 13) «Польша является в Восточной Европе представительницей того духовного начала, которое легло в основу западной истории. По духовному своему существу польская нация и с нею все католические славяне примыкают к западному миру» (Там же: 15). Похожую мысль высказывал и Леонтьев, полагавший, что объединение с западными славянами весьма сомнительно, ибо у них «истинно славянского так мало, а либерального и конституционного так много» (Леонтьев, 1886: 66)⁸.

Таким образом, определяющую роль играет не только политическая идентичность Польши или любой другой католической нации, но расстояние, возникающее из-за ее религиозной принадлежности «христианскому миру» под эгидой Рима и папы. Из векового спора Востока и Запада явствует, что общность духа сильнее крови и по сильным законам духа кровная близость одного народа с другим недостаточна, чтобы преодолеть конфессиональные предпочтения. Особенно если одна нация пребывает под стесняющим давлением более сильной⁹: «Германская настойчивость, трудолюбие, наконец, германская высококультурная школа и, где все это недостаточно, германская бесцеремонность, в которой хорошо координированы правительственные меры и частный “патриотический” порыв, стирают нервное и неустойчивое польское население так легко, аккуратно и всецело, как мокрая губка стирает с классной доски мел» (Розанов, 2008с: 246). Территориальная связанность между славянскими землями уступает сильному духовному началу, которое легло в основание западной цивилизации.

Тем не менее даже «среди торопливых, измученных и нервных движений нашего времени» (Розанов, 2003а: 143)¹⁰ можно заметить проблески нового, возникающего в борьбе против отживающих форм, полных «вражды и глухого, темного непонимания и невнимания» (Там же: 144); Розанов имеет в виду религиозное движение мариавитов в Польше. Это движение, возникшее в Римско-католической церкви, с самого начала приветствовалось русским обществом: «Но душа славянина на Волге и на Висле оказалось родственной, сходной; при разных словах там и здесь слышался один напев» (Розанов, 2004b: 307)¹¹. В нем Розанов

⁸ Здесь и далее курсив — автора цитаты.

⁹ Р. Пиккио отмечает: «В то время как народы *Slavia romana* в результате своей латинизации находились под влиянием той же системы, которая воздействовала и на западноевропейскую мысль, ничто в культурном опыте *Slavia orthodoxa* не могло вызвать к жизни подобный процесс» (Пиккио, 2003: 109).

¹⁰ Статья «Младокатолическое движение» опубликована в 1906 году.

¹¹ Статья «Католичество и мариавитство» была напечатана в 1908 году.

усматривал чистый славянский религиозный дух, там проявлялось скорее восточное и русское, а не романо-кельтическое начало: «В движении мариавитов мы почувствовали что-то свое, родное; почувствовали родную стихию славянской народности, ищущую путей собственной душой, а не по шаблонам, даваемым из Рима *urbi et orbi*¹²» (Розанов, 2004b: 307).

Движение это было проникнуто духом свободы и веротерпимости, если сопоставить его с неподвижностью и скованностью, к которым может привести любая религия, теряющая живую связь с народом. Главный представитель мариавитов ксендз Эдуар Милковский не оспаривал догматических пунктов, с чего чаще всего начинаются ереси, но, проникнутый иным духом, он выступил против предрассудков, неискренности и прислужничества внутри католической церкви: «Задачей церкви он ставит идеализацию человека и жизни, — чтобы “Христос Евангелия царствовал во всех проявлениях бытия нашего”» (Розанов, 2003а: 145). Розанов отмечает, что «оно (мариавитство. — Л.М.), как и все религиозные движения, напоминающие всегда Протея, может переродиться, принять совершенно новые формы, однако непременно туземные, т.е. польские; а главное — оно может быть только первым среди ряда других и дальнейших» (Розанов, 2003b: 34)¹³.

Желание отделиться от непогрешимого владыки Рима и отвернуться от камней Ватикана — существенная черта мариавитского движения. Как отмечает проф. В.А. Керенский, на первый взгляд весьма сомнительны основания мариавитов к выделению из Римско-католической церкви и к образованию своего церковного сообщества. Однако он тут же добавляет: «Но это только на первый взгляд... В чем же состоит эта пропасть, отделяющая мариавитов от римской церкви? По моему мнению в том, что мариавиты отвергают главный догмат римско-католической церкви — догмат о папском главенстве» (Керенский, 1908: 4–5).

Славянский мир — это поле, где скрещивается романо-германское и греко-славянское мировосприятия. В связи с этим в размышлениях Розанова можно выделить несколько основополагающих тем:

- значение предания;
- папство на Западе и Востоке;
- вечная борьба или возможное соединение.

Между двумя церквями изначально заложена разница в управлении: первая церковь вбирает несколько племен и языков, является «сверх-племенной, криво-

¹² городу и миру (*лат.*)

¹³ Статья «Движение в русско-польском католицизме» вышла в 1906 году.

язычной, вне-этнографической» (Розанов, 1995а: 373)¹⁴, а вторая исходит «изнутри народа» и управляется «много-ручно, много-главно, много-сердечно» (Там же). С первой также связывается движение, работа, активная борьба, в то время как вторую окружает тишина, в ней ценится созерцательность и страдальческое терпение. Отсюда, мыслит Розанов, происходит и разница в «движениях»: в случае католичества оно «*снаружи и вокруг обходное*» (Там же), а на примере России и православия — «*внутри толпы, внутри народа*» (Там же). И самый тип поклонения и святости различается: на Западе — это культ силы, деятельности, «активно-поборяющегося» начала, а на Востоке — тихость, невозмутимость и покорность. Сообразно этим «устройствам» образуются дефекты внутри этих миров: Русская церковь «уязвима в слабостях, немощах и менее заслуживает упреков в высотах, в порывах. Ее страдание — углубления, рывки, тогда как, напр., в католичестве — патологичны именно горы» (Розанов, 1994: 22)¹⁵.

Помимо разных видов противостояний между государствами, церквями, нельзя не выделить особую его разновидность, выраженную в художественных, религиозных, философских аспектах предания. Часто, несмотря на недостоверность или недостаточную обоснованность предания, в нем особенно ценится его старина и чувство, которое оно вызывает. Религия отзывается не только в догмате, культе и молитве, но и в предании, легенде и поэтических вымыслах.

Преданием веет и от детских, колыбельных, бытовых песен, где мало или почти нет достоверности, но которые «содержанием своим говорят иногда так же много, как песнопения Церквей. Но они подвижны, они живы, прилипают к сердцу человека, свежи и разнообразны, как сама жизнь» (Розанов, 1994: 24). Русского человека в католицизме, пишет Розанов, привлечет, конечно, не всемирный папский авторитет и ее глава, а подробности, частным образом трогающие людей, вибрация жизни в общих преданиях, рожденных на почве уже имеющих чувств.

Предания нередко становятся воплощением эгоистических интересов, которые служат для укрепления разного рода как исторических, так и современных претензий. Весьма часто принимается почти как общее место, что «предание» на Востоке — это то же, что и авторитет на Западе. Однако, по мнению Розанова, и тот и другой концепты в историческом и религиозном аспектах присущи обоим мирам.

Мыслитель затрагивает вопрос обоснованности или «монументальности» предания, которое лежит в сердцевине не только католического мира, но и мира

¹⁴ Статья «О “сборном” начале в церкви и о примирении церквей» написана в 1903 году.

¹⁵ В данном виде статья «Русская церковь» появилась в 1909 году.

православного, в том числе России, как одной из важнейших хранительниц твердынь восточного мира. Оба мира, несомненно, используют библейскую концепцию истории и греко-римскую историческую традицию. Если и существовала трансляция мифа, то всегда сильнее были выражены его трансформация и дополнение. Западная церковь ссылалась на Библию и особую роль Петра, Восточная — на апостолов Павла и Андрея. О том, как выводилась связь с апостолом Павлом, в чем можно найти далекий корень самозванства, писал Ключевский: «Мефодий был епископом в Паннонии на столе апостола Андроника, ученика апостола Павла. А апостол Павел учил в Иллирии, где прежде жили славяне: стало быть, и славянству учитель Павел. А мы, Русь, — тоже славяне: стало быть, Павел и нам, Руси, учитель» (Ключевский, 2002: 88).

Для объяснения того, на что опираются притязания и как создается религиозная санкция, Розанов берет более знаменитый пример с Андреем Первозванным и сопоставляет данное предание с прямым свидетельством о передаче «пасомых овец и агнцев» лично и исключительно Петру, отмечая большую разницу в преимуществах и в правах на главенство в церкви. Картина волхвов с Востока, ожидавших Спасителя, была недостаточна для оправдания особой исторической роли «Кафолической Восточной Греко-Российской церкви». Весь Восток притязует на покровительство апостола Андрея, решающая роль которого видится в том, что именно он, исполненный доброжелательства к своему брату Петру, привел его к Господу и первым услышал о его будущей миссии стать камнем Церкви¹⁶. Как бы то ни было, духовное отставание славян на Востоке лишило их, как отмечает Розанов, слез восторга, благодарности, которые до IX века успели испытать все христианские народы. В результате славянскому миру пришлось впоследствии прислушиваться к чужим легендам и преданиям:

<...> напр., очень велик круг святости в Петербурге, но Петербург всего существует с 1703 года, Россия — с 862 года, христианство у нас — с 988 года. А Рим через «непосредственное рукоположение», без единого перерыва, существует от распятого апостола Петра, и о самом этом распятии таинственно предсказал ему Иисус перед своим возвращением, одновременно с посланничеством: «иди пасти их». Это — совсем другая традиция. Мы — новенькое, мы — недавненькие. Это мы в этом понимаем, и, главное, что можем *чувствовать*? Ведь о нас-то «лично»

¹⁶ «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: Камень (Петр)» (Ин. 1: 40–42).

ни словечка не сказано в евангелиях и даже в посланиях. Совсем другое чувство и самоощущение. Правда, предание рассказывает, что «Андрей Первозванный, приплыв к берегам Черного моря, водрузил там крест»... И ведь как оно нам дорого, это предание! Мы — не умолчим о нем в каждом учебнике истории, мы чуть-чуть зждемся на нем, оно — камень под нами, не очень большой, но которого мы никак не хотим оттолкнуть. А каков же «камень» под Римом?! <...>

(Розанов, 1995b: 68–69)¹⁷

Последнее завещание и слово, необыкновенное и никому другому не сказанное, оставленное в наследство апостолу Петру, становится весомым аргументом, если говорить о «всемирном папстве». «Папство всемирное — вот мечта Рима; папство по слову Христа, т.е. уверенное до самозабвения, не сомневающееся о себе и в Варфоломеевскую ночь», — пишет Розанов (Там же: 425). Таким образом, самая большая разница лежит в «охвате»: католическая тенденция выражена в апостольстве всему миру «*Orbis terrarum*», в то время как «у нас, русских этого пафоса нет <...> Мы глубоко *уездная* в религиозном отношении нация; конечно — с тем “милым и добрым”, что всегда бывает в уезде сравнительно с “холодной столицей”. “Уездность” и составляет самый наш пафос, на котором, напр., и строили “свое” все славянофилы (Хомяков, Гиляров, Аксаковы)» (Розанов, 1995a: 373). Эту черту «уездности» можно приписать всему славянскому миру.

Тем не менее и западной и восточной культуре присущ ярко выраженный мессианизм. Однако для подтверждения своего особого места надо показывать связь с первоисточками: первыми апостолами, первыми народами, первыми христианскими царями. И оно происходило в истории у каждого славянского народа:

Понимание прошлого славян как «общего культурного багажа» (сохраняющееся до сих пор) позволяло манипулировать и приписывать своему народу достижения всех славянских народов. Те же Кирилл и Мефодий, чья миссия проходила в Моравии по приглашению моравской знати, стали культурными героями всего славянства. В XX в. памятники им стоят от Балкан до Владивостока и являются символом принадлежности к единому «славянскому миру».

(Филюшкин, 2017: 29)

Мессианизм свидетельствует о непрестанной борьбе народов и показывает, пишет Розанов, «до чего много в ней положено усилий на то, чтобы стать “на

¹⁷ Статья «Из-за чего сыр-бор загорелся?» вышла в 1901 году.

первое место” среди народов, на самое выпуклое, переднее место; чтобы вести “за собой”, “вслед себя” другие народы» (Розанов, 2008а: 245)¹⁸. Между тем божественная отмеченность, как и любое указание на некое обладаемое преимущество — родовое, интеллектуальное, политическое, — может обернуться грубым стремлением к выгоде, которая будет искусно прикрыта возвышенной идеей о культурном призвании. Идея культурного призвания является действенной и неоспоримой, только если ощущение обязанности и служения будут перевешивать мнимую привилегию и желание господства.

Таков был случай с Римом, греками и славянами, когда мотив «избранничества», вначале круживший головы и рождавший чары, явил и другую трагическую истину, что этот путь опасен. Случается, что носители всемирной миссии, дабы взойти на первое место, совершают массу безумных дел. Высоким предначертаниям присущ космологический и религиозный характер: первый заключается в безумном желании «я» охватить мир, дотянуться до всех неведомых краев и пополнить число своих звезд; второй говорит о грезах «первого места», несмотря на сознание того, что оно уже принадлежит Богу — но безумное желание занять Божье место пересиливает разум.

Принцип «ex cathedra», сформулированный на Ватиканском соборе в 1870 году, присутствовал задолго до этого как зацементированное мнение, как идея расширения центра, захватывающего периферию. Такая тонкая абберрация приводит к распространению святости расходящимися кругами. Царь непререкаем, Синод «святейший», и «даже у славянофилов — Хомяков “ex cathedra”, “в книгах”, “в слове спасительном о любви” — непогрешимы» (Розанов, 1995b: 68)¹⁹. Разница только в том, что на Западе «непогрешимость» имеет сильную опору в Священном Писании, а на Востоке она стала «бессильным посягновением» (Там же: 65), потому что отсутствует вверение, завещательное слово и обоснованная провиденциальность.

Розанов приписывает труду Августина «О граде Божием» монументальное значение. Но обращаясь к нему, мыслитель вводит тревожную нотку противо-

¹⁸ Статья «Идея “мессианизма”» написана в 1916 году.

¹⁹ «Один из друзей Аксакова и, как он, выдающийся член партии или кружка славянофилов, Юрий Самарин, писал в частном письме по поводу ватиканского собора: “Папский абсолютизм не убил жизненности католического клира, — над этим следует призадуматься, ибо в один прекрасный день у нас провозгласят непогрешимость царя, или иначе сказать обер-прокурора Святейшего Синода, так как царь будет тут не при чем... Найдется ли у нас в тот день хотя бы один епископ, монах или священник, который решился бы протестовать! Сомневаюсь. Если кто и заявит протест, то это будет мирянин, ваш покорнейший слуга и Иван Сергеевич (Аксаков), если только мы будем тогда в живых. Что же касается до нашего несчастного духовенства, которое вы находите более несчастным, чем виноватым (и в этом вы, быть может, правы), то оно будет молчать”» (Соловьев, 1911: 151–152).

поставления праведного и грешного, спасенного и осужденного, церкви и мира: «Civitas Dei — это тесный град, это — неразрушимая, вечная весь, под которой спасаются немногие, когда остальные гибнут, когда мир подвергается катаклизмам. Это — церковь. С страстностью, какая могла возникнуть только в такой миг и в таком сердце, эта идея церкви-града противоположилась миру как его отрицание, как его осуждение, как радость о гибели его — в тайниках души, однако же, дорогого» (Розанов, 2008d: 63)²⁰. Невиданный по размерам трагизм в сочетании с определенной болезненностью и узостью исторического момента привел творца труда к сложному «душевному повороту»: «Эта сила, эта болезненность и исключительность и залегли во всё последующее развитие западной церкви» (Там же).

Но было бы крайней несправедливостью сказать, что такая болезненность и такое сочетание противоречивых чаяний стало мучительным достоянием одной западной церкви. Розанов также обдумывает греко-болгарскую схизму, произошедшую в 1872 году. Он в очередной раз сетует на то, что высшая культура и высшая культурная миссия не всегда соответствуют историческим действиям, в которых проявляется право «высшего» во имя высокого призвания насилловать чужие народности. Этот пример для Розанова свидетельствует о «нелюбви» греческой стороны, не позволившей болгарам иметь своего патриарха и настаивавшей на назначении своих игуменов, епископов, митрополитов и священников в Болгарское княжество, которое на тот момент уже стало довольно сильным и захотело увидеть собственных народных представителей в церковных рядах. На требования болгар последовал ответ, в котором прочитывается немало гордости, величания своей преемственности и ревнивого напоминания об особой роли своей церкви, не допускающей возможности ее послушаться: «Тогда патриархия (константинопольская. — Л.М.) заявила, что она — хранительница церковных преданий, церковных законов и порядка, что она есть кафедра Иоанна Златоуста и иных столпов церкви <...> Принцип был нарушен, — о принципе не было и вопроса. Это — принцип любви» (Розанов, 2003с: 127)²¹. Философ здесь намекает на пустые притязания, которые случаются из-за права культурного насилия, которым пользуются великие народы. Такое «преемство» силы на основании старины — это «Лествица» от земли до неба, и хотя ступеньки в ней одни золотые, другие — серебряные, третьи — железные, а то попадаются и совсем деревянные, да еще и гнилые, предательские, однако от мира, от людей это скрывается, и вся «лествица» объявляется сплошь золотою» (Там же: 128).

²⁰ Статья «Черта характера древней Руси» была напечатана в 1892 году.

²¹ Статья «Славянство и “греческая церковь”» вышла в свет в 1906 году.

Таким образом, принцип высшего культурного призвания часто бывает жестоким, несправедливым и даже неистинным, подобно тому как перевес военной силы не является знаком морального и культурного превосходства. Розанов приходит к похожим выводам, в очередной раз обдумывая работу Предсоборной комиссии²² в России 1906 года²³ и ее новые постановления, в которых были проявлены претензии епископов и патриархов, желавших стать «папой на Востоке»: «Доселе был один папа — западный. Теперь будут два папы, западный и восточный» (Розанов, 2003d: 90)²⁴. Новый восточный папа заявлял о своих правах, оправдывая претензии готовностью «принять всю любовь на свои плечи». Это очередное подтверждение мысли Розанова говорит о том, что в восточном мире весьма легко открывается лазейка для разных «поползновений», в результате которых «богословы и рванулись к тому же папству, власти, гордыни» (Там же: 92).

Опека положения, защита предания и высокая миссия порождают инквизицию, которая безжалостно разбиралась с теми, кто колебал камень Петра. Но инквизиция — это достояние не только западной истории, но и восточной. Отличие в том, что «торжественных аутодафе у нас не устраивалось; никто не любовался на них. У нас все темнее, подвальнее. У нас не огонь, а какая-то сырость. Не рыцарские замки, а плесень. Не знаю, легче ли это для осужденных. Думаю, что даже тяжелее» (Розанов, 2008b: 488)²⁵. Вспоминается мысль Леонтьева, что сердце человека и сердце нации, государства не одно и то же. Римская церковь, Святейший синод — это организмы другого порядка, «суть идеи, воплощенные в известный общественный строй. У идей нет гуманного сердца. Идеи неутолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно сознанные законы природы и истории» (Леонтьев, 1885b: 24–25).

Розанов основную задачу В. Соловьева определял как проект соединения церквей, который должен привести к более сложному синкретическому учению и в то же время к становлению вселенской теократии: «“Соединить, слить, связать Notre Dame de Paris с Кремлем”, — вот идея Соловьева»²⁶ (Розанов, 2011a: 105). С другой стороны, отмечает А.П. Козырев, «не являясь столь же страстным и убежденным сторонником соединения церквей, как Вл. Соловьев, Розанов

²² В нее входили священники и епископы, представители дворянства и генералитета, профессора духовных академий. Цель комиссии заключалась в отстаивании власти епископата, в сохранении всех привилегий церкви, в усилении ее влияния и освобождении от государственной опеки.

²³ См. подробнее: (Розанов, 2003e; 2003d; Философов, 1906; Савва, 2011).

²⁴ Статья «Начало папства в России» появилась в 1906 году.

²⁵ Статья «Суздальские сидельцы» написана в 1905 году.

²⁶ Статья «Католицизм и Россия» опубликована в 1911 году.

предпочитает говорить об исторической задаче примирения церквей» (Козырев, 2007: 327). В. Соловьев полагал, что насильственные попытки соединения (унии) обернулись крахом, потому что это были вынужденные соглашения и они не могли продлиться долго. Со своей стороны, Розанов как никто другой понимал, что взвинченное следование одной идее не принесет никакого сдвига, потому что на почве неукоснительного следования одному идеалу и духу начинаются самые серьезные колебания:

Видоизменения церквей, в целях соединения их, — не нужно. Пусть останутся они каждая на своем месте и в своем виде. И это нисколько не должно препятствовать нам соединиться в одной молитве, в одних таинствах. Мы будем молиться в их храмах, и они будут молиться в наших храмах — вот что нужно! Мы станем почитать их священников за своих священников, и они будут почитать наших священников за своих священников: вот это — да будет!! И да будет для нас древнее разделение — как пережиток и суеверие.

(Розанов, 1995с: 230)²⁷

По этому вопросу позиция Розанова не изменилась, о чем свидетельствуют и другие, весьма близкие по содержанию тезисы, высказанные значительно позже в 1911 году в статье «Религиозный “эkleктизм” и “синкретизм” (Из воспоминаний о Влад. С. Соловьеве)»:

Пусть все и останется разделенным и разнообразным; но пусть верующие, исполняя «свое» в каждой церкви, запретят себе всякую вражду к «не своему», православные — к католикам, католики — к православным, те и другие — к лютеранам и обратно. Конкретно: пусть каждый подходит «под благословение» и священника иной церкви, а бывая в чужих странах, и принимает все таинства другой церкви, «по нужде» и потому что «ближе», да и, наконец, с полным сознанием, что это — «одно в разных формах», что исповедь, причастие, крещение *действуют* «во избавление грехов» везде, где они совершаются с верою во Христа, Евангелие и апостолов.

(Розанов, 2011b: 155)

Опять-таки, он не лелеял пустых надежд, но ясно осознавал, что единение славянского мира в современных условиях возможно, только если стороны минуют сухой идеализм. Сближение славян письменно и политически нужно, од-

²⁷ Статья «Русско-католические отношения» вышла в свет в 1902 году.

нако требуется отбросить фразы и сказать очевидную истину: «все славянские отношения станут легче и сделаются гораздо обильнее, неизмеримо обильнее, как только они станут выгодны. Это — рычаг, который еще никогда не обманывал» (Розанов, 2004с: 180). Из этого делового сближения может возникнуть культурный обмен и междуплеменное общение.

Розанов, несомненно, видел, что существует труднопреодолимое расстояние между Востоком и Западом, между славянскими странами, но он считал, что необходимо к этим разностям подойти, не затушевывая их, не погашая, а ощущая их по-другому, как некое необходимое разнообразие: «И таким образом, “разделение” это напоминает собою забор, со страшными шипами на нем, с угрожающими на нем надписями, между дворами двух соседей, давно мирно пьющих по вечерам чай вместе» (Розанов, 1995а: 369). Именно поэтому необходимо терпимо разграничивать миры, но в то же время не разделять их насильно, а принимать как нераздельные части одного единства.

Литература

Калугин, 2003 — *Калугин В.В. Slavia Orthodoxa* Риккардо Пиккио // *Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М.: Знак, 2003. С. IX–XVI.

Керенский, 1908 — *Керенский В.А. Мариавиты*. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. 19 с.

Ключевский, 2002 — *Ключевский В.О. Русская история. Полн. курс лекций*. Т. I–III. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. Т. I. 592 с.

Козырев, 2007 — *Козырев А.П. Соловьев и гностики*. М.: Издатель Савин С.А., 2007. 543 с.

Леонтьев, 1885а — *Леонтьев К.Н. Византизм и славянство* // *Восток, Россия и Славянство*. Сб. ст. К. Леонтьева. Т. 1–2. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К°, 1885–1886. Т. 1. 1885. С. 84–192.

Леонтьев, 1885b — *Леонтьев К.Н. Панславизм и греки* // *Восток, Россия и Славянство*. Сб. ст. К. Леонтьева. Т. 1–2. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К°, 1885–1886. Т. 1. 1885. С. 3–20.

Леонтьев, 1886 — *Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года* // *Восток, Россия и Славянство*. Сб. ст. К. Леонтьева. Т. 1–2. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К°, 1885–1886. Т. 2. 1886. С. 35–112.

Пиккио, 2002 — *Пиккио Р. История древнерусской литературы*. М.: Кругъ, 2002. 352 с.

Пиккио, 2003 — *Пиккио Р. Открытые вопросы в изучении Slavia orthodoxa и Slavia romana как вариантов славянской культуры* // *Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М.: Знак, 2003. С. 102–121.

Розанов, 1994 — *Розанов В.В.* Русская церковь // *Розанов В.В.* Собр. соч. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 8–29.

Розанов, 1995а — *Розанов В.В.* О «соборном» начале в церкви и о примирении церквей // *Розанов В.В.* Собр. соч. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 366–381.

Розанов, 1995b — *Розанов В.В.* Из-за чего сыр-бор загорелся? // *Розанов В.В.* Собр. соч. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 65–69.

Розанов, 1995с — *Розанов В.В.* Русско-католические отношения // *Розанов В.В.* Собр. соч. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 224–230.

Розанов, 2003а — *Розанов В.В.* Младокатолическое движение // *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003. С. 143–147.

Розанов, 2003b — *Розанов В.В.* Движение в русско-польском католицизме // *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003. С. 33–34.

Розанов, 2003с — *Розанов В.В.* Славянство и «греческая церковь» // *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003. С. 126–129.

Розанов, 2003d — *Розанов В.В.* Начало папства в России // *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003. С. 90–92.

Розанов, 2003е — *Розанов В.В.* Нехристианский собор (Письмо в редакцию) // *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003. С. 97–99.

Розанов, 2004а — *Розанов В.В.* Рост славянского единства // *Розанов В.В.* Собр. соч. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004. С. 177–179.

Розанов, 2004b — *Розанов В.В.* Католичество и маривитство // *Розанов В.В.* Собр. соч. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004. С. 307–310.

Розанов, 2004с — *Розанов В.В.* Практические перспективы славянского сближения // *Розанов В.В.* Собр. соч. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004. С. 180–181.

Розанов, 2008а — *Розанов В.В.* Идея «мессианизма» // *Розанов В.В.* Собр. соч. В чадую войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.: Республика, 2008. С. 245–248.

Розанов, 2008b — *Розанов В.В.* Суздальские сидельцы // *Розанов В.В.* Собр. соч. Природа и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. М.: Республика, 2008. С. 484–495.

Розанов, 2008с — *Розанов В.В.* Болезни и чаяния славянского мира // *Розанов В.В.* Собр. соч. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. М.: Республика, 2008. С. 246–248.

Розанов, 2008d — *Розанов В.В.* Черта характера древней Руси // *Розанов В.В.* Собр. соч. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. М.: Республика, 2008. С. 55–66.

Розанов, 2011a — *Розанов В.В.* Католицизм и Россия // *Розанов В.В.* Собр. соч. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. С. 103–110.

Розанов, 2011b — *Розанов В.В.* Религиозный «эkleктизм» и «синкретизм» (Из воспоминаний о Влад. С. Соловьеве) // *Розанов В.В.* Собр. соч. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. С. 150–160.

Савва, 2011 — *Савва (Тутунов), игумен.* У истоков Предсоборного присутствия 1906 года: церковно-общественные дискуссии и отзывы архиереев // *Московские епархиальные ведомости.* 2011. № 7–8. С. 141–144.

Смолич, 1933 — *Смолич И.К.* Предсоборное присутствие 1906 года // *Путь.* 1933. № 38. С. 65–75.

Соловьев, 1911 — *Соловьев В.С.* Россия и вселенская церковь / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1911. 451 с.

Соловьев, 1914 — *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика // *Соловьев В.С.* Собр. соч. в 10 т. Изд. 2-е. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 4. 1914. С. 3–116.

Станчев, 2002 — *Станчев К.* Рикардо Пиккио, «Slavia Orthodoxa» и история древнерусской литературы // *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. С. 5–8.

Философов, 1906 — *Философов Д.В.* Голос мирян // *Товарищ.* 1906. 3 окт.

Филюшкин, 2017 — *Филюшкин А.И.* «Мобилизация средневековья» как инструмент формирования представлений о славянском единстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2017. № 2. С. 22–36.

Хомяков, 1994 — *Хомяков А.С.* Соч. в 2 т. М.: Московский философский фонд; Изд-во «Медиум», 1994. Т. 1: Работы по историософии. 589 с.

‘SLAVIA ORTHODOXA’ AND ‘SLAVIA ROMANA’: V.V. ROZANOV ON THE CONVERGENCE AND DIVERGENCE BETWEEN TWO HISTORICAL AND CULTURAL WORLDS

Lazar Milentijevic — PhD, Associate professor. The Faculty of Philosophy at the University of Novi Sad. 1 Zorana Dzindzica Str., Novi Sad, 21000, Serbia.
E-mail: milentijeviclazar@mail.ru

 Abstract. V.V. Rozanov’s extensive corpus highlights the problems of Slavic world, which he perceived through the prism of the correlation of two local ethnic communities in historical, cultural and confessional contexts. Rozanov associated the consequences of a broader phenomenon — the meeting of the Western and Eastern worlds — with the theme of Slavism. The article puts forward the idea that the Slavic world in Rozanov’s view is at the intersection of Romano-Germanic and Greek-Slavic worldviews. In this setting, Rozanov highlights three of the most important themes: the meaning of ‘predanie’, the papacy in the West and East, the eternal struggle, and possible Union of the West and the East. The article shows that Rozanov saw the Slavs as a young ‘movement’, gradually developing and becoming significant on the world stage, but he also realized that Slavic unity, in addition to cultural, literary and ideological convergence, needs stronger spiritual and economic bonds. In Rozanov’s reflections, one can find an echo of Danilevsky’s view on the unification of Slavs, the conservative thoughts of Konstantin Leontiev, as well as Vladimir Solovyov’s ideas on the unity of the Eastern and Western churches.

Keywords: V.V. Rozanov, Slavic, predanie, the papacy, the West, the East

For citation: Milentijevic, L., 2021. ‘Slavia Orthodoxa’ and ‘Slavia Romana’: V.V. Rozanov on the convergence and divergence between two historical and cultural worlds. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), 80–100. (in Russ.)

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-80-100

References

Filosofov, D.V., 1906. Golos miryan [The voice of the laity]. *Tovarishch*, 3 Oct.

Filyushkin, A.I., 2017. “Mobilization of the Middle Ages” as an instrument of formation the discourse about Slavic unity. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, (2), 22–36. (in Russ.)

Kalugin, V.V., 2003. Slavia Orthodoxa Rikkardo Pikkio [Slavia Orthodoxa of Riccardo Picchio]. In: Pikkio, R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and language]. Moscow: Znak Publ. IX–XVI.

Kerenskii, V.A., 1908. *Mariavity* [Mariavites]. St Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva Publ.

Khomyakov, A.S., 1994. *Sochineniya* [Works]. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Moskovskii filosofskii fond; ‘Medium’ Publ.

Klyuchevskii, V.O., 2002. *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii* [Russian history. Full course of lectures]. 3 vols. Vol. 1. Moscow: AST; Minsk: Kharvest Publ.

Kozyrev, A.P., 2007. *Solov'ev i gnostiki* [Soloviev and the Gnostics]. Moscow: Izdatel' Savin S.A. Publ.

Leont'ev, K.N., 1885a. Vizantizm i slavyanstvo [Byzantism and slavdom]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Sbornik statei K. Leont'eva* [East, Russia and Slavs. Collection of articles by K. Leontiev]. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i K° Publ. 84–192.

Leont'ev, K.N., 1885b. Panslavizm i greki [Pan-slavism and greeks]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Sbornik statei K. Leont'eva* [East, Russia and Slavs. Collection of articles by K. Leontiev]. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i K° Publ. 3–20.

Leont'ev, K.N., 1886. Peredovye stat'i “Varshavskogo dnevnika” 1880 goda [Leading articles of the “Warsaw Diary of 1880”]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Sbornik statei K. Leont'eva* [East, Russia and Slavs. Collection of articles by K. Leontiev]. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i K° Publ.

Pikkio, R., 2002. *Istoriya drevnerusskoi literatury* [The history of old Russian literature]. Moscow: Krug” Publ. 35–112.

Pikkio, R., 2003. Otkrytye voprosy v izuchenii Slavia Orthodoxa i Slavia Romana kak variantov slavyanskoi kul'tury [Open questions in the study of the ‘Orthodox Slavic’ and ‘Roman Slavic’ as variants of Slavic culture]. In: Pikkio, R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and language]. Moscow: Znak Publ. 102–121.

Rozanov, V.V., 1994. Russkaya tserkov' [Russian church]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. V temnykh religioznykh luchakh* [Collected works. In dark religious rays]. Moscow: Respublika Publ. 8–29.

Rozanov, V.V., 1995a. О “sobornom” nachale v tserkvi i o primireнии tserkvei [On the “Sobornost” principle in the church and on the reconciliation of the churches]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Okolo tserkovnykh sten* [Collected works. Near church walls]. Moscow: Respublika Publ. 366–381.

Rozanov, V.V., 1995b. Iz-za chego syr-bor zagorelsya? [What is all fuss about?]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Okolo tserkovnykh sten* [Collected works. Near church walls]. Moscow: Respublika Publ. 65–69.

Rozanov, V.V., 1995c. Russko-katolicheskie otnosheniya [Russian and catholic relations]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Okolo tserkovnykh sten* [Collected works. Near church walls]. Moscow: Respublika Publ. 224–230.

Rozanov, V.V., 2003a. Mladokatolicheskoe dvizhenie [Young catholic movement]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works. Russian statehood and society (Articles of 1906–1907)]. Moscow: Respublika Publ. 143–147.

Rozanov, V.V., 2003b. Dvizhenie v russko-pol'skom katolitsizme [The movement in Russian-Polish catholicism]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works. Russian statehood and society (Articles of 1906–1907)]. Moscow: Respublika Publ. 33–34.

Rozanov, V.V., 2003c. Slavyanstvo i “grecheskaya tserkov” [Slavs and “the Greek church”]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works. Russian statehood and society (Articles of 1906–1907)]. Moscow: Respublika Publ. 126–129.

Rozanov, V.V., 2003d. Nachalo papstva v Rossii [The beginning of the papacy in Russia]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works. Russian statehood and society (Articles of 1906–1907)]. Moscow: Respublika Publ. 90–92.

Rozanov, V.V., 2003e. Nekhristsianskii sobor (Pis'mo v redaktsiyu) [Non-Christian Council (Letter to the Editor)]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works. Russian statehood and society (Articles of 1906–1907)]. Moscow: Respublika Publ. 97–99.

Rozanov, V.V., 2004a. Rost slavyanskogo edinstva [The growth of Slavic unity]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. V nashei smute. Stat'i 1908 g. Pis'ma k E.F. Gollerbakhu* [Collected works. In our confusion. Articles 1908. Letters to E.F. Hollerbach]. Moscow: Respublika Publ. 177–179.

Rozanov, V.V., 2004b. Katolichestvo i marivitstvo [Catholicism and mariavity]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. V nashei smute. Stat'i 1908 g. Pis'ma k E.F. Gollerbakhu* [Collected works. In our confusion. Articles 1908. Letters to E.F. Hollerbach]. Moscow: Respublika Publ. 307–310.

Rozanov, V.V., 2004c. Prakticheskie perspektivy slavyanskogo sblizheniya [Practical perspectives of Slavic convergence]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. V nashei smute. Stat'i 1908 g. Pis'ma k E.F. Gollerbakhu* [Collected works. In our confusion. Articles 1908. Letters to E.F. Hollerbach]. Moscow: Respublika Publ. 180–181.

Rozanov, V.V., 2008a. Ideya “messianizma” [The Idea of “Messianism”]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. V chadu voiny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg.* [Collected works. Into the air of war. Articles and essays of 1916–1918]. Moscow: Respublika Publ. 245–248.

Rozanov, V.V., 2008b. Suzdal'skie sidel'tsy [Inmates in Suzdal]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Priroda i istoriya. Stat'i i ocherki 1904–1905 gg.* [Collected works. Nature and history. Articles and essays of 1904–1905]. Moscow: Respublika Publ. 484–495.

Rozanov, V.V., 2008c. Bolezni i chayaniya slavyanskogo mira [Diseases and aspirations of the Slavic world]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Religiya i kul'tura. Stat'i i ocherki 1902–1903 gg.* [Collected works. Religion and culture. Articles and essays of 1902–1903]. Moscow: Respublika Publ. 246–248.

Rozanov, V.V., 2008d. Cherta kharaktera drevnei Rusi [Character trait of old Russia]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Religiya i kul'tura. Stat'i i ocherki 1902–1903 gg.* [Collected works. Religion and culture. Articles and essays of 1902–1903]. Moscow: Respublika Publ. 55–66.

Rozanov, V.V., 2011a. Katolitsizm i Rossiya [Catholicism and Russia]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Terror protiv russkogo natsionalizma. Stat'i i ocherki 1911 g.* [Collected works. Terror against Russian nationalism. Articles and essays of 1911]. Moscow: Respublika Publ. 103–110.

Rozanov, V.V., 2011b. Religiozniy “eklektizm” i “sinkretizm” (Iz vospominanii o Vlad. S. Solov'evе) [Religious “eclecticism” and “syncretism” (From the memoirs of Vlad. S. Solovyov)]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. Terror protiv russkogo natsionalizma. Stat'i i ocherki 1911 g.* [Collected works. Terror against Russian nationalism. Articles and essays of 1911]. Moscow: Respublika Publ. 150–160.

Savva (Tutunov), igumen, 2011. U istokov Predsobornogo prisutstviya 1906 goda: tserkovno-obshchestvennye diskussii i otzvyvy arkhierееv [At the origins of the Pre-council presence of 1906: Church-public discussions and reviews of bishops]. *Moskovskie eparkhial'nye vedomosti*, (7–8), 141–144.

Smolich, I.K., 1933. Predsobornoe prisutstvie 1906 goda [Pre-council presence in 1906]. *Put'*, (38), 65–75.

Solov'ev, V.S., 1911. *Rossiya i vselenskaya tserkov'* [Russia and the universal church]. Transl. from French by G.A. Rachinskii. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ.

Solov'ev, V.S., 1914. Velikii spor i khristianskaya politika [The great debate and Christian politics]. In: Solov'ev, V.S. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 10 vols. 2nd ed. Vol. 4. St Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo "Prosveshchenie" Publ. 3–116.

Stanchev, K., 2002. Rikardo Pikkio, 'Slavia Orthodoxa' i istoriya drevnerusskoi literatury [Riccardo Picchio, 'Slavia Orthodoxa' and the history of old Russian literature]. In: Pikkio, R. *Istoriya drevnerusskoi literatury* [The history of old Russian literature]. Moscow: Krug" Publ. 5–8.